

ОЛЬГА КОРЗОВА

...И СЛУШАТЬ ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМНОЕ

* * *

Я не отдам полцарства за коня.
К чему мне конь? Их нет уже в помине.
Пусть иногда найдётся в рыжей глине,
как будто след давнишнего огня,
истёртая и ржавая подкова, —
сулит ли это счастье для меня? —
Наверно, нет. Я помню, как без крова

скитались две последних на селе,
ненадобных совхозу лошадёнки.
С шестых уроков бегали девчонки,
чтоб накормить их. Жил навеселе
последний конюх. Став разнорабочим,
недолго он держался на земле,
сошёл на нет, подобно многим прочим.

КОРЗОВА Ольга Владимировна родилась и живёт в глубинке, в Архангельской области. По профессии — педагог, учитель русского языка и литературы. Без малого четверть века отработала в сельской школе. Автор двух сборников стихов. Выступает с прозой и публицистикой. Печаталась в альманахе “Белый пароход”, журналах “Двина”, “Север”, “Наш современник”, “День и ночь”, “Знамя”. Ряд её последних стихотворений переведён на украинский язык. Входит в редколлегию журнала “Двина”. Член Союза писателей России.

Скосило с девяностых полсела:
болезни, водка... Благо, если старость.
А скольких деревушек не осталось —
исчезли, точно выгорев дотла.
Что лошади, когда для государства
обузой — люди? Всё бы отдала,
чтоб прекратились беды и мытарства.

Но не было и раньше у меня,
да и не будет царства иль полцарства...

* * *

Чего жалеть? Для завтрашнего дня
недостаёт проворства мне и силы.

А всё же вспомню: брат привёл коня
и к плугу встал, а бабушка учила
и хмурилась: ломает борозду.
Хотелось ей, чтоб внук освоил дело.
Пошло на лад, и радостно смотрела
вокруг она, лошадку в поводу
ведя домой.

А ночью во дворе
хруст сена... —
генетическая память,
усни навеки! —

...утро в октябре,
век двадцать первый цепкими сетями
меня оплёл, и вырваться невмочь,
а хочется, к чертям пославши сети,
вернуть тот день и, повторив точь-в-точь,
услышать конский топот на рассвете.

* * *

Метался снег, и ветры голосили,
и выстыл дом — ни капельки тепла.
И словно я одна была в России,
да и Россия маленькой была.

Зажатая нахлынувшей тьмою, —
домашний свет едва мерцал во мгле, —
я вспоминала небо голубое,
цветы и травы на родной земле.

Мерещились вокруг чужие станы,
в окно глядела мутная звезда.
И думалось, что скоро жить устану,
а утро не наступит никогда,

что середина жизни, как печатью,
межвременьем тягучим скреплена,
что раньше срока постарели братья,
что без войны давно у нас война,

и если горизонт зальётся алым —
не разобрать, пожар или восход.

Храни, Господь, причалы и вокзалы,
детей храни — хотя бы в Новый год...

НА ЗАДВОРКАХ

Осипла ворона.
Её безнадёжное “кар”
висит на задворках,
над местом бывшего остожья,
где набок склонился
торчащий из снега стожар,
забытый людьми,
точно вся задичавшая пожня.
Послушай, ворона!
Нельзя воскресить старину.
Не будем кричать
над останками прежних угодий.
Без боя отдали
и прошлое мы, и страну.
И сыты, и пьяны,
а пуще того — в новогодье.
Чего ж тебе надо?
Какого ты просишь житья?
Хрипишь еле слышно
над лугом и брошенной пашней,
и словно болит
неусыпная память твоя,
а нам будто вовсе
не больно, не горько, не страшно.

* * *

Знаешь, ни с кем говорить не хочу,
ехать за тридевять вёрст спозаранку.
Мне бы прижаться к родному плечу,
думку свою бы шепнуть, негаданку.

Только зачем эти думки тебе?
Вольное слово у нас под запретом.
Маюсь в своей пятистенной судьбе,
вяну, как травы пылающим летом.

ЗАПАХ БЕДЫ

А старухи опять
запасаются мылом и солью.
Запах близкой беды
им доподлинно с детства знаком.
И молчит в ожиданье
пустынное русское поле,
а с окраины тянет
и порохом, и табаком,

да не тем, заграничным,
 с заморским густым ароматом,
а махоркой простой,
 словно старый встряхнули кафтан.
И уснуть я не в силах,
 как будто и впрямь виновата
в том, что плачут старухи
 и смотрят с тоской на экран.

* * *

Живое проявляется на срезе.
Пугает боль, но если б не излом,
душа, наверно, продолжала грезить
до старости о чём-то о своём,
в уединенье, по заветам предков,
не ведая ни дыма, ни огня.
Но чей-то нож коснулся нежной ветки,
и стон её донёсся до меня.
И я, подобно веткам краснотала,
хранящим до поры речной покой,
далёким листьям в лад затрепетала
на берегу над северной рекой,
как будто и моя открылась рана,
и надо мной взметнулось вороньё,
и стрелы украинского майдана
летят сквозь сердце русское моё.

ВЕСЕННЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ДОМУ

Словно старое платье,
внезапно становится мал.
Задыхаешься в нём,
торопясь поскорее покинуть.
Ни звонок, ни письмо,
ни любимый зимою журнал
не удержат тебя,
и глядит укоризненно в спину,
удручённо качая
щелястым окном чердака
и вздыхая по-дедовски
каждой своей половицей.
...Если б видел твой дом,
как сияет весною река,
Если б мог заглянуть
Одуванчикам в нежные лица...

* * *

Обижаюсь, услышав,
что реки — маленькие,
деревушки — невзрачные,
край — заброшенный.
Для меня каждый цветик —
цветочек аленький,
и о каждой травинке грущу
нескошенной.

И дома называю
хозяев именем,
пусть дымок
не над каждою крышей
тянется.
А весною стою
над морями синими.
Кена, Чурьега, Сондола —
все красавицы.

А когда повезут —
будет день —
дорогами
в наволоцкий край,
на моё пристанище,
мимо серых поженок
с перелогами...
Нет, не мимо! —
Со мною они останутся
навсегда...

Поздравляем Ольгу Владимировну с юбилеем!